

ВТЕ ГОДЫ мы тоже жили слишком плохо. Бюджет страны складывался в основном из того, что мы продавали нефть. В пересчете на душу населения нефти мы продавали в два раза меньше, чем Кувейт. Для сравнения: когда в Кувейте рождался ребенок, гражданин данной страны, ему только за то, что он родился, тут же перечисляли (и, вероятно, сейчас перечисляют) на счет миллион долларов. У каждого коренного жителя Кувейта есть прекрасная трехэтажная вилла, машина, драгоценности и прочее (это при условии, что 97 процентов площади — песчаная пустыня: чтобы, например, посадить сад, туда привозят землю из других стран). Скажите в таком случае (не забудем при этом: у нас были и руда, и нефть, и свой хлеб), где полмиллиона долларов на каждого нашего родившегося гражданина? Где хотя бы одноэтажный дом?.. Грарили нас, что называется, до нитки. Но Россию, оказывается, можно еще больше грабить.

Каждый из крупных партийных функционеров имел все, пока он оставался на работе. Уходя на пенсию, он лишался и власти, и привычных благ... Создалось такое впечатление, что этот класс новых господ захотел-таки оставить наследство своим детям. А для этого надо было покончить с коммунистическим принципом всеобщей собственности. Тут и пригодилась перестройка...

Когда в первые месяцы гнусного спектакля приватизации начались разговоры о том, что кто-то на торгах купил квартиру за огромные деньги и пожелал остаться неизвестным, российские обыватели, обольщенные за три четверти века, мучительно соображали — кто купил? Для меня вопрос стоял иначе — кто продал? Кто имел право продать кусок общегосударственной собственности, общего достояния, выстроенного на общенародные деньги? Перед нами — акт грандиозного воровства, при котором то, что формально считалось общественной собственностью, своровано главными партийными функционерами.

Если их отсюда вытравят, они удержат с серьезным капиталом. И сейчас идет перекачка этих капиталов, поскольку наша власть давно уже сползла с социальными близкими режиму бандитскими элементами — убийцами, всякого рода уголовниками, с помощью которых еще в 30-е годы терроризировалось все остальное население. Сейчас этой сволочи дали возможность нажиться и сделали все для того, чтобы нажались именно она. У

нас немыслимые налоги, что делает невозможным вообще любое промышленное производство. У нас льготные условия для торговли и самые льготные — для вывоза сырья за границу.

Задача правителей — обезглавить страну, ликвидировать последние кадры инженеров, ученых, лишить Россию выходов к Черному и Балтийскому морям, которые она 400—500 лет завоевывала, отстаивала, держала. Все делается для того, чтобы заткнуть Россию и выход к Тихому океану, оставить ее без равноправной торговли во всем регионе. Потому что страна, потерявшая портовые выходы, вынуждена принимать то, что дают и по тем пеням, которые предлагают.

Для чего Россия пролила кровь, если мы просто так отдали все, что завоевано жизнью миллионов наших граждан? Никакие реформы в такой стране будут невозможны, они невозможны уже сейчас. Какие могут быть реформы, если отданы портовые города (история с флотом не утешительная), если страна расчленена, если налаженные веками торговые и производственные связи разорваны?

— Кажется невероятным, что все это могло произойти за каких-нибудь несколько лет.

Трудность момента заключается в том, что грабеж страны не сейчас появился, и даже в какой-то степени началось это до революции. Россия все время, веками стоит на пороге Запада, который периодически старается подмять ее духовно, захватить территории. А практически вся наша революционная братия — это люди, безусловно, поклоняющиеся Западу (в данном случае — марксизму), захотевшие сломать хребет России, переделать ее и вообще пустить на дрова для мировой революции.

Все происшедшее и происходящее в нашей стране сделано и делается руками антипатриотов и атеистов. И если кто-нибудь из них для вида ходит в церковь, крестится, не надо этому верить, потому что их действия явно подпадают под понятие дьяволова действия.

Наш кризис — это кризис страны, подпавшей под западничество в его самом гнусном варианте. Потому что в Америке культура еще просто не создавалась, техническое развитие происходит за счет эмигрантов, в том числе из России. И сейчас, когда к нам хлынула американская культура, такое впечатление, что в гостиную обедневшего барского дома ввалился вонючий питекантроп с дубинкой. Так по сравнению с нашими фильмами, литературой, музыкой

выглядят американские книги и киноленты об убийцах и насильниках. Мы хотим стать гражданами страны, культура которой на множество порядков уступает культуре России, даже на девять десятых уничтоженной коммунистами?

— Сейчас все громче вещают о том, что без помощи Запада нам не прожить.

— Это идиотизм, когда наша страна берет 40 миллиардов в виде займов с тем, чтобы за 4 года выплатить 47 миллиардов в виде процентов за эти займы. Но это идиотизм той нации, которой надо купить «Сникерс» для того, чтобы дочку отправить в бордель, мужа в рабство, а самой — неизвестно куда и зачем... Я не понимаю коллективного безумия. Идут разговоры

лову, несматривая на данные ей современные танки, пушки, самолеты России. Это говорит о том, что вся национальная блажь, этот развал единой страны, создававшейся веками, сделаны ничтожно малыми силами идиотов и сепаратистов, либо прямых предателей страны и наемников американского капитала и по сути не имеют под собой никакого массового начала.

Все это — преступные действия, не менее преступные, чем расстрел Верховного Совета, что практически является антигосударственным переворотом. Но этот Верховный Совет в значительной степени состоял из той самой номенклатуры, которая все на свете разбазарила, допустила развал страны, раз-

рой мы можем в считанное количество десятилетий, а может, даже и лет, вообще уничтожить все живое на земном шаре. Нам еще несколько сотен атомных станций на земле построить и тогда все кончится. Погибнут все. Но в этом — ужасное отсутствие логики всех паразитов. Что происходит со всеми? Почему мы с энтузиазмом и восторгом корчем Сибирь, строим тот же «Азот», но пальцем не шевельнем, когда надо опомниться, прийти в себя, избавиться от отравы.

— Есть люди, которые уже опомнились, но — что толку?..

— Если мы не поставим патристическое правительство — правительства людей, от которых требуется одно — любить свою Родину, свою российскую землю, то мы погибнем, погибнем очень скоро и очень гнусно. Жизнь примет иной оборот, если мы сумеем преодолеть у себя экономический кризис, вызванный бездуховностью и равнодушным отношением к природе, и, естественно, кризис экономический (на земле огромное количество энергии пропадает просто так: надо научиться использовать ветер, поток солнечных частиц, тогда исчезнут дым и копоть...). Этот вопрос надо ставить, повторяю, рядом с вопросом о патристическом правительстве в исторических традициях России, возрождения того соборного начала, которое существовало в стране и которое позволило двум сотням народов, иногда мельчайших, существовать на территории России. Потому что только в условиях России эти маленькие народы могли существовать, в любом другом варианте они бы просто были съедены, уничтожены. Представьте, что Сибирь станут завоевывать китайцы. Они оставят там в живых десятки мелких народов? Да ничуть! А если Россия погибнет, разве будут особенно чиниться с прибалтами? Оставим бредни! Что произойдет на Кавказе, если его захватят турки? Как вырезали армян, так вырежут осетин и грузин.

— Нам не обойтись без традиционного вопроса: что же делать?

— Проснемся — уцелеем. Не проснемся — история России кончится, но начнется такой жуткий международный, мировой катаклизм, такие воронки закрутятся на этой территории! В Сибирь и Среднюю Азию действительно полезет Китай, на Дальний Восток — Япония, на Кавказ и сюда — Турция, Германии ничего не останется, как идти снова на восток. Сшибутся все интересы. Милая Украина окажется под натиском Польши, Румынии, Венгрии и т. д. Потом они сами сцепятся и начнется непредставимая бойня.

А много ли выиграют те, кто это организует? Да ничего им не обломится! Заварится такая катавасия, при которой все деньги, займы, доллары теряют всякую ценность. Доллар станет бумажкой, не более. Стоимость будут иметь только реальные вещи — какой-нибудь плакат, из которого можно сплести себе трусы с восклицательным знаком (шили уже), кусок хлеба, или ивовый коры...

Обыватель меня страшит. Он говорит — лишь бы не было войны. В Таджикистане два года назад насчитывалось миллион трупов. Это не война? Стрельба продолжается на Кавказе, неспокойно в Приднестровье, наконец — до 5 тысяч убитых в Москве. И вот началась давно предвиденная и предсказанная бойня в Чечне. Это тоже не война? Когда начнут резать в соседней деревне, обыватель снова скажет — лишь бы не у нас; когда станут убивать соседа — лишь бы не меня. А когда примутся убивать его самого, он закричит «мама!» и крик этот будет стоять, пока самого обывателя не вытащат на улицу, чтобы со вспоротым брюхом бросить под крыльцо.

— Но если мы раньше не смогли ничего сделать, то теперь многократно сложнее противостоять всему, что происходит сегодня и ждет нас завтра.

— Важно понять, захотеть, засучить рукава и выбрать верное направление. Нужны энергия и мужество всего населения, нужна цель. Для этого не требуется десятилетий. В истории бывали примеры, когда нации — и не только россияне — вдруг поднимались.

Но мы идеологически отравлены, отторгнуты от православия, и вернуться к нему очень трудно. Мы отторгнуты и от настоящего патриотизма, от настоящей любви к Родине. У нас, наконец, обезличена земля, она ничья. И если бы все эти крики о перестройке чего-нибудь стоили, то нам бы следовало начать с покаяния. Мы должны были бы если не вернуть землю всем, у кого ее отняли во время коллективизации, то, во всяком случае, выплатить полную стоимость, или — при отсутствии денег — объявить потомкам этих людей, что государство столько-то должно и постепенно полностью возместит... Вор не тогда становится честным человеком, когда он достаточно наворовал, а когда вдруг соображает, что воровать преступно и наворованное надо вернуть. Так и государство.

С писателем
встретилась
Ирина
ТАЯНОВСКАЯ.

СЛОВО ПРОСНЕМСЯ— УЦЕЛЕЕМ

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ БЕСЕДУЕТ С ИЗВЕСТНЫМ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ ДМИТРИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ БАЛАШОВЫМ.

— Дмитрий Михайлович, четыре года назад мы беседовали с Вами о проблемах, которые стали обрушиваться на нашу, тогда еще единую страну. Говорили о демократах, о «художествах советской власти», о незавидных перспективах России. Все из сказанного Вами и опубликованного в газете «Новгород» (№ 4 от 25.01.91 г. — «В царстве антихриста») подтверждается сейчас. И сегодня многие живущие на Российской земле люди с тоской вспоминают о прежних временах.

и о том, чтобы заморозить зарплату, то есть поставить человека перед необходимостью бездельничать. Человек работает хорошо, когда он знает, что за хорошую работу он получит больше. Это не приведет к инфляции: работающих хорошо и хорошо получающий увеличивает количество товаров. Почему о такой простой вещи ни один из наших умных экономистов не говорит? — Когда развалился Союз, нас убеждали в том, что произошло это по воле некоего братского народов...

— Все это — заранее отпетированная подлость. Центральная власть поддерживает врагов России, тех, кто работал на разрыв страны. А много ли их? Рижский ОМОН, наводивший ужас на латышей, состоял из 110 человек, которых хватало, чтобы держать в страхе всю Ригу с ее миллионным населением. Ополчение Снегура из 5 тысяч человек с бронетехникой и артиллерией было остановлено на Кошницком плацдарме двумя сотнями казаков, снаряженных легким оружием. А шесть-семь тысяч абхазов разбивают 70-тысячную грузинскую армию, которая бежит сломя го-

деление славянского единства на три куска. И вот теперь из Украины в отношении России готсят — и никто этого не скрывает — сербо-хорватский вариант.

— Но ведь это страшно. Ни та, ни другая сторона не уцелеет...

— Страшно и то, что сейчас все человечество находится в кризисе. В кризисе прежде всего духовном. Самое страшное — это потеря веры, уход от духовных ценностей. Всегда в истории, когда человек ставил себя в центр вселенной, он начинал жуткое самоубийство, истребление окружающей среды и себе подобных. Чтобы остаться жить на планете, человеку необходимо брать у природы не больше того, что она способна восстановить за тот же отрезок времени.

Прежде это экономическое равновесие поддерживалось религиозным мышлением (мир — создание божье, поэтому к нему относиться трепетно). Но религия отрицается, и человек становится центром Вселенной, а человек смертен, значит, после нас — хоть потоп. Этот кризис приближается к той стадии, при кото-